

НА ПАМИРЕ

Комсомольцы-агитаторы Вахнуджан ТУРАНОВ и Буркуталш ЮЛДАШЕВ привезли жителям горного кишлака литературу, посвященную выборам в Верховный Совет СССР.

Фото специального корреспондента «Комсомольской правды» Г. КАПУСТЯНСКОГО.

«ЗОЛОТОЙ КИШЛАК»

От специального корреспондента «Комсомольской правды»

ПАМИР — самый высокий и самый южный край советской земли. В зимнюю пору здесь засыпаны снегом все перевалы и тропы — ни проехать, ни пройти. И в день 10 февраля 1946 года, когда избиратели Памира направляются к кибиткам избирательных комиссий, они, наверное, вспомнят, какой путь прошел избирательный бюллетень, прежде чем попасть в их руки.

Вот как везли избирательную литературу из Сталинабада в Хорог — центр Хорогского избирательного округа по выборам в Совет Национальностей. Сначала двигались на автомашине по вырубленным уступам полутораклометровых отвесных скал. Командир, который на фронте водил не раз в атаку свою роту и никогда не слыл трусом, рассказывал мне, что здесь, среди этих скал, он испытывал страх.

Потом снежные завалы преградили путь машине. Пришлось пересаживаться на ослика. Машина ушла обратно на Сталинабад, а люди, которым поручено было доставить на Памир избирательную литературу, направились дальше, к главному перевалу. В конце концов путники вынуждены были отослать с проводниками обратно и осликов. Взяв на спину, они двинулись пешком. Пробирая тропу в слепящем снегу, добрались до прилепившегося к скалам на высоте свыше 4 тысяч метров кишлака Сагердаш. Закрывали глаза синей марлей, чтобы не ослепнуть. Отдыхали в одиноких чайханах — кибитках с костром в яме, вырытой в земляном полу.

От Сагердаша подошли к главному перевалу. Спуск начали по многокилометровой лестнице, вырубленной в ледниковом льду. На третий день пошли по высеченной в склоны горы зигзагообразной тропе. Потом подошли к висящим над пропастью мостам. Мосты эти сделаны из бревен, связанных между собой так, что когда путник вступает на них, они начинают качаться, подобно гамаку. Дикая, мрачная скалы, нависшие над бездонной глубиной узких ущелий, похожи здесь то на красивые замки и дворцы, то на какие-то фантастические галлерей.

Наступил, наконец, день, когда посланцы республиканской избирательной комиссии вступили в узкое и темное ущелье, на дне которого бежит река Пяндж. Но и отсюда нелегко в это время года добраться до Хорога. У кишлака Доштан горный обвал сно-

ва остановил путников — пришлось очищать дорогу взрывами.

Можно было бы рассказать и о пути, проделанном недавно летчиком — лейтенантом Малковым. В период, когда описанный нами прямой путь из Сталинабада на Хорог был недоступен даже самым смелым и опытным горцам, Малков, погрузив избирательную литературу в свой самолет, полетел не над облаками и не над горами, а внизу, по извилистым и узким ущельям. Несколько раз вылетал Малков из Сталинабада, но самолет его тотчас же обледеневал, и летчик, повернув обратно, с трудом находил себе дорогу домой в молоке облаков, рискуя разбиться о скалы. И все-таки он, наконец, долетел до цели. Сел на колесах на засыпанный снегом аэродром, а потом, поднявшись с него, благополучно вернулся в Сталинабад...

Нельзя не упомянуть и об экспедиции младшего лейтенанта Прошина, вышедшего во главе пяти бойцов-пограничников пешком в далекий и опасный путь. Сейчас, когда я пишу эти строки, еще нет известий от Прошина. 28 разбронных на части избирательных урн должен доставить его отряд в отдаленные восточные кишлаки Памира, в Мургабский и Аличурский районы. Пять перевалов, в том числе грозный Ай-Бакал, высотой до 5.200 метров, должны преодолеть на своем пути отважные пограничники Памира.

Вслед за смельчаками, доставляющими урны и бюллетени в самые отдаленные кишлаки, вышли в горный рейс и агитаторы. Пургой и морозами дышит Памир, пронзительный ветер сметает снег в долинах и нагромождает его у скал, свистит из всех щелей. Но в маленьком горном кишлаке Тохтамыш, восточнее Хорога, все жители собираются по вечерам в просторной кибитке, где помещается агитпункт. Карабкаясь по скалам с легкостью горного козла, спешит к ним на огонек Кобогон Албанов — комсомолец-агитатор.

А в кишлак, прилепившийся к другой скале, в долине Пянджа, пробираются юноши и девушки в ярких, праздничных одеждах, совсем не соответствующих времени года, снежному самому, которым бывает обято ущелье. Это артисты Памирского театра. Пробираясь сквозь снежные дюны, артисты переходят из кишлака в кишлак, из одного агитпункта в другой. Памирский музыкаль-

но-драматический театр празднует в этих странствиях свое десятилетие.

В кибитке агитпункта кишлака Рушан в крестообразной яме сандала (очага) горит огонь. Языки пламени причудливо отражаются на лицах собравшихся здесь памирцев. Только что окончил свою беседу о выборах агитатор-учитель, и памирские артисты сейчас покажут сцены из пьесы «Золотой кишлак». Автора этой пьесы, памирского комсомольца и поэта Миршакара, я встречал в Сталинабаде. Это красивый, умный и просвещенный горец. Горячий поклонник творчества Пушкина, Лермонтова, он в то же время с глубокой любовью относится к поэзии своего талантливого таджикского народа.

В пьесе «Золотой кишлак» Миршакар разработал сюжет древней памирской легенды, приблизив ее к сегодняшним дням. В пору, когда памирская земля подвергалась набегам афганских ханов, они захватывали горцев в плен и продавали их в рабство. Памир был поставщиком невольничьих рынков Востока. И вот в те далекие времена, — говорит легенда, — два брата, Наврузбек и Хайдарбек, оставили свой родной кишлак Шугнан и пошли по свету искать для своего народа другой, счастливый «золотой кишлак». С братьями происходят всевозможные приключения: их ловят ханы, их принимают за разбойников, они нанимаются к баям в батраки, кормятся милостыней... И всюду они видят горе и нищету. Они ушли на поиски счастья молодыми, состарились в пути, но так и не сумели найти до «золотого кишлака». От голода погибает младший из братьев. Перед смертью, убедившись, что «золотого кишлака» нет, что все это только мечта, он велит брату возвратиться домой. Оставшийся в живых полубезумный старец идет дальше и вдруг попадает в кишлак,

где ровные ряды кибиток стоят у воды, где всюду слышится смех и песни, где шелестят плодовые сады и цветут хлопковые поля. Он попадает в советский кишлак. И тут оказывается, что это и есть Шугнан, т. е. его родной кишлак, из которого когда-то давно вышел он с братом на поиски счастья для своего народа...

Такова горная баллада комсомольского поэта, исполнение которой мы видели в этот зимний вечерний час на импровизированной сцене агитпункта, затерявшегося среди ледников и скал. Собравшиеся следили за каждым словом актеров. Два музыканта на гитарах (род скрипки) сопровождали спектакль протяжными звуками памирских мелодий. Вой снежной бури пытался заглушить нежный голос Савсан Бандишаевой, двадцатилетней заслуженной артистки Таджикской ССР, которая сейчас, во время избирательной кампании, вместе со своими друзьями по сцене, путешествует верхом на терпеливом ослике от одного агитпункта к другому.

Нужно ли описывать впечатление, которое производит на горцев-таджиков спектакль — это красочное и фееричное зрелище! И автор, и сюжет пьесы, и исполнители — все это плоть от плоти и кровь от крови сегодняшнего Памира. И артисты, и автор, и зрители — все видят наяву эту повесть о «золотом кишлаке».

Еще так недавно Памир был страной нищих, полуголодных горцев. Секретарь Горно-Бадахшанского областного комитета партии Курбоншо Гадолиев, выдвинутый трудящимися Памира кандидатом в депутаты Совета Национальностей, — человек, родившийся тут же, на Памире. рассказывал нам:

— Памирцы любят петь, но я еще застал время, когда пелись только грустные песни,

когда не хватало пищи, и зимой мы питались только «пихтом» — мукой, изготовленной из сушеных тутовых ягод. «Пихт» заменял нам и сахар, и хлеб, и мясо...

Бесплодна и пустынна была эта каменная земля. А теперь на Памире немало «золотых кишлаков» с водой, с пастбищами, с тучными стадами, урожайными нивами...

...Хорог — по-арабски означает мишень. Как мишень, в которую целятся сразу из четырех луков, и выглядит этот советский город, областной центр Памира. Здесь, у Хорога, сходятся четыре ущелья, по которым текут реки Пяндж, Вахан, Рашкала и Гунд. Ночью, среди первозданной тишины скал, этот город встает озаренный заревом электрических огней, с уличными фонарями, качающимися на ветру, с аллеями стройных тополей вдоль домов.

Как ни обычен путь в этот город и его местоположение, облик Хорога схож с обликом обычного советского города. В избирательной комиссии вас познакомят с целым «стратегическим планом», который в памирских условиях необходим для четкого проведения выборов. Четыре ущелья — четыре луча сходятся к Хоругу. Длина каждого из этих лучей примерно 350 километров. Каждое из ущелий на время выборов разбито на пикеты, отстоящие один от другого на 15—20 километров. Пикеты состоят из нескольких всадников, которые доставят протоколы избирательных комиссий к соседнему пикету — и так до самого Хорога. Составлено уже точное расписание движения пикетчиков в день выборов. И какая бы ни была 10 февраля пурга, какие бы ни встретились на пути горные обвалы, по каждому из четырех ущелий избирательные документы дойдут до Хорога в точно назначенный час...

Преображающийся Памир все больше становится страной «золотых кишлаков», страной, где сеют хлеб, где из горных недр добываются золото и редкие металлы.

Да, смотря сегодня памирцы заключительную сцену из пьесы «Золотой кишлак», и встает перед ними их сегодняшняя жизнь — жизнь под солнцем Сталинской Конституции.

И. АРАЛИЧЕВ.

Сталинабад.